

ПРАВОВЫЕ РЕФОРМЫ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Обзор секции юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС, состоявшейся в рамках VI Международного Невского форума (Санкт-Петербург, 25 июня 2022 г.)

Разуваев Николай Викторович, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского и трудового права; e-mail: nrasuvaev@yandex.ru.

Шмарко Ирина Константиновна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ответственный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция»; e-mail: shmarko-ik@ranepa.ru.

Аннотация

Статья представляет собой обзор выступлений участников секции юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС, состоявшейся в рамках VI Международного Невского форума (Санкт-Петербург, 25 июня 2022 г.) «Правовые реформы: прошлое, настоящее и будущее», на которой обсуждались проблемы проведения реформ в области права, как общие проблемы проведения реформ в виде необходимости определения четкой цели и ориентиров реформы, так и в части реформ в отдельных юридических областях (образование, цифровизация, история права, конституционное право, гражданское право). В целом участники пришли к единому мнению о необходимости учета социального, экономического и политического контекста при проведении реформ и оценке их результатов, четкой постановки цели реформ и необходимости сохранения в рамках текущих изменений приверженности незыблемым идеям и принципам права, и конституционного права в частности.

Ключевые слова: правовая реформа; цель реформы; конституционные принципы; конституционная идентичность; цифровизация в праве.

LEGAL REFORMS: PAST, PRESENT AND FUTURE

Review of the section of the Faculty of Law of the North-West Institute of Management of the RANEPa, held within the framework of the VI International Nevsky Forum (St. Petersburg, June 25, 2022)

Nikolay V. Razuvaev, North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)

Doctor of Science (Jurisprudence), Head of the Department of Civil and Labor Law, Chief Editor of the Theoretical and Applied Law; e-mail: nrasuvaev@yandex.ru.

Irina K. Shmarko, North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)

editor of the Theoretical and Applied Law; e-mail: shmarko-ik@ranepa.ru.

Abstract

The article is a review of the speeches of the participants of the section of the Faculty of Law of the Northwestern Institute of Management of the RANEPa, held within the framework of the VI International Nevsky Forum (St. Petersburg, June 25, 2022) "Legal reforms: past, present and future", which discussed the problems of reforms in the field of law, as general problems of reforms in in the form of the need to define a clear goal and guidelines for reform, and in terms

of reforms in certain legal areas (education, digitalization, legal history, constitutional law, civil law). In general, the participants agreed on the need to take into account the social, economic and political context when carrying out reforms and evaluating their results, clearly setting the goal of reforms, and the need to maintain, within the framework of current changes, adherence to unshakable ideas and principles of law, and constitutional law in particular.

Keywords: legal reform; the purpose of reform; constitutional principles; constitutional identity; digitalization in law.

Среди непростых и тревожных событий, которыми как для нашей страны, так и для всего мирового сообщества ознаменовался 2022 г., заметное место занимает кризис системы международных отношений, породивший разрыв многих устойчивых связей во всех областях, в том числе в военно-политической, социально-экономической, образовательной, культурной и т. п. Без преувеличения можно утверждать, что глобальные события, повлиявшие на развитие человечества в текущем году, поставили под сомнение состоятельность «постсовременной» парадигмы мироустройства, в которой ведущую роль играют цифровые технологии, прогрессивное развитие которых, стимулирующее социальный прогресс, еще совсем недавно рисовалось многими экспертами в качестве неограниченного.

В условиях неопределенности перспектив дальнейшего развития, характеризующей текущую ситуацию, становится вполне очевидной нелинейность путей социальной эволюции, общий ход которой способен кардинально меняться под влиянием множества факторов, зачастую не прогнозируемых заранее. Тем не менее подобная нелинейность развития не отрицает существования законов истории, но свидетельствует лишь о том, что не может быть представлена в виде непрерывного поступательного движения, направленного к заранее известной цели, достижение которой не требует творческих усилий, прилагаемых участниками исторического процесса. В этой связи трудно не согласиться с мнением, высказанным еще в XIX столетии философом и историком Н. Я. Данилевским, утверждавшим, что суть социального прогресса заключается «не в том, чтобы идти все время в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях»¹.

Вряд ли уместно спорить с тем, что активное развитие высоких технологий в постиндустриальную (информационную) эпоху открыло перед человечеством новые перспективы, безгранично расширившие горизонты эволюционных возможностей и предвещавшие — уже в который раз! — неизбежность скорого наступления «конца истории», благодаря переходу к дистанционным формам коммуникации. Как казалось на первый взгляд, такое дистанционное общение, объединяя в рамках единой глобальной деревни множество людей, обладающих разным образовательным потенциалом, различными картинками мира и неодинаковыми коммуникативными навыками, будет способствовать успешному преодолению конфликтов и согласованию существующих противоречий².

Текущие события, однако, показали, что обществом высоких технологий одновременно является и «обществом риска»³. Причем в этом обществе к ставшим уже привычными угрозам и вызовам сегодня добавляются новые (либо хорошо забытые старые) опасности, делающие жизнь человека в переходной ситуации все более нестабильной. Одной из причин такой нестабильности является появление новых барьеров, утрата взаимопонимания и эскалация напряженности, как в общесоциальном, так и в межличностном общении. История, пусть не в глобальной, но уж точно в региональной — евразийской — перспективе, сделала очередной поворот, поставив перед человеческими сообществами проблему трансформации, одним из важных аспектов которой является реформирование социальных и правовых порядков.

Не случайно темой очередного Международного Невского форума, организованного Северо-Западным институтом управления РАНХиГС и приуроченного к 350-летию годовщине со дня рождения императора Петра I, чьи реформаторские усилия создали отечественную государственность Нового времени, стал феномен российской реформ, рассматриваемый в различных своих аспектах и в самой широкой исторической перспективе. Участники форума, проходившего с 23 по 25 июня, обсудили ряд вопросов, приобретших значительную актуальность в сложившихся условиях. Речь, в частности, шла о разрыве международных связей как вызове, ответом на который должно стать реформирование экономики, системы органов государственной власти, а также трансформации общественных организаций и бизнес-структур. Пристальное внимание на форуме привлекла ставшая уже традиционной тема инновационных технологий, способствующих прорывному развитию и активным структурным изменениям в сжатые сроки.

Представители научного, экспертно-аналитического и бизнес-сообществ из Санкт-Петербурга и других городов России обсудили возможные направления реформ, механизмы управления процессами реформирования, а также проанализировали соотношение темпов динамики различных подсистем общества в условиях направленного реформирования указанных подсистем. Одна из секций в рамках Международного Невского форума была организована юридическим факультетом. Заявленной темой секции стало настоящее, прошлое и будущее правовых

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 109.

² См. об этом: Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. Изд. 3-е. М.: Академический проект, 2015. С. 47 и след.

³ См.: Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

реформ. Значение преобразования правопорядка в контексте системных социальных и политических реформ едва ли возможно переоценить.

Роль права как упорядоченной совокупности, системы формальных (юридических и знаково-символических) средств конституирования правопорядка и регулирования поведения индивидов становится особенно заметной в эпоху Нового времени, с переходом от традиционных сообществ с аграрным хозяйственным укладом к индустриальным обществам современного типа. Вот почему правовые реформы являются важным инструментом модернизации общества. Опыт как России, так и зарубежных стран, проходивших стадию модернизации (например, Восточной и Центральной Европы, Египта, Турции, Ирана, Китая и т. п.), свидетельствует о том, что реформирование любых социальных структур осуществляется юридическими методами и, следовательно, представляет собой одно из направлений правовых реформ. Именно поэтому тема секции привлекла повышенный интерес со стороны не только российских ученых-юристов, но и наших партнеров из высших учебных заведений Китайской Народной Республики, представленных среди участников секции.

В работе секции юридического факультета «Правовые реформы: прошлое, настоящее и будущее» в общей сложности приняли участие 14 спикеров, включая 5 представителей китайских вузов. В качестве слушателей и участников дискуссии в зале присутствовали 36 человек: преподаватели и студенты СЗИУ РАНХиГС, представители Конституционного суда Российской Федерации, Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского государственного университета, РГПУ им. А. И. Герцена, ГКУ ЛО «Государственный экспертный институт регионального законодательства». Кроме того, более 30 участников из России и КНР присоединились онлайн. Модератором секции являлся декан юридического факультета, доктор юридических наук профессор Сергей Львович Сергеевич. С основным докладом на секции выступил судья Конституционного суда Российской Федерации Сергей Дмитриевич Князев. Учитывая высокую степень научной и практической значимости обсуждения, состоявшегося в рамках секции, мы публикуем обзор выступлений ее участников.

Сергей Дмитриевич Князев⁴. Говорить о правовых реформах сегодня вряд ли возможно, обойдя тему реформирования Конституции РФ. В 2020 г. в результате Всероссийского голосования были приняты поправки к Конституции. Но прежде чем эти изменения были вынесены на голосования, они были одобрены Конституционным судом РФ. В Заключении от 16 марта 2020 г. суд пришел к выводу о том, что по своему содержанию нормы, которые планировалось инкорпорировать в Конституцию, не противоречат ее неизменяемым главам⁵. Безусловно, мы отдавали себе отчет в том, что факт признания соответствия вносимых поправок действующей Конституции вовсе не свидетельствовал о том, что принятие этих изменений не повлияет на весь конституционный текст, и это не могло не сказаться на нашем восприятии, понимании конституционно-правовых институтов, которые описаны в гл. 1 и 2 в частности.

Если посмотреть на многие из положений, которые теперь являются неотъемлемой частью Конституции, то любому, даже самому предвзятому и небеспристрастному, интерпретатору станет очевидно, что сегодня мы живем в условиях, когда фактически многие правовые институты и ценности не могут не претерпевать изменений. Достаточно вспомнить такие изменения, как указание на правопреемство Российской Федерацией СССР, появление понятий единой системы публичной власти, сбалансированности прав и обязанностей человека и гражданина, экономической и политической социальной солидарности, уважения к человеку труда и др. Например, хочется спросить, кто такой человек труда, есть ли его антипод и как это соотносится со второй главой, которая говорит о ценности человека как такового? Нужно ли выделять некую самостоятельную подкатегорию лиц — человек труда? И вправе ли претендовать на статус человека труда предприниматели, топ-менеджеры крупных компаний, представители самой публичной власти?

Эти вопросы возникают, и они будут оказывать влияние на формирование современного облика российского конституционализма. Эти вопросы имеют существенное значение, но срок после внесения изменений прошел не такой значительный в историческом плане, и, несмотря на прямое действие Конституции, соответствующие институты должны сопровождаться необходимыми законодательными решениями, правоприменительной практикой. Особую роль будет иметь интерпретация и уяснение смысла этих институтов, в том числе в результате деятельности Конституционного суда РФ. Некоторые новации Конституции очень напоминают «давно забытое старое»: единство системы органов публичной власти — единство советов сверху донизу, сбалансированность прав и обязанностей — соответствующие главы советских конституций о правах и обязанностях граждан (сейчас в названии гл. 2 нет указания на обязанности). Или достаточно очевидным казался принцип обеспечения взаимного доверия государства и общества, который вытекает из норм гл. 1 и 2 Конституции на основе принципа поддержания доверия к действиям государства и к закону, который, безусловно, сохраняет свое значение, и публичная власть, принимая те или иные

⁴ Судья Конституционного суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

⁵ См.: Заключение Конституционного суда Российской Федерации о соответствии положениям гл. 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Российская газета, 2020. № 56 (8110).

решения или совершая действия, обязана учитывать данный принцип, заботиться о стабильности правовой системы, обеспечивать уважение прав и свобод человека.

Но в текущей формулировке выходит, что не только государство должно беспокоиться о сохранении доверия к нему, а должно быть обеспечено взаимное доверие граждан и государства, то есть по логике каждый из нас должен заботиться о том, чтобы государство испытывало к нему доверие. В этом смысле возникает очень серьезный, на мой взгляд, вопрос конституционной идентичности, который, в частности, поднимался Конституционным судом РФ несколько лет назад. Например, О. Е. Кутафин писал о том, что правомерна постановка вопроса о российском конституционализме и каждое государство, которое избрало для себя следование конституционной традиции, неминуемо адаптирует эту традицию к своим национальным условиям⁶. При этом не стоит тешить себя иллюзиями, что можно построить какой-то абсолютно самодостаточный суверенный конституционализм, в котором не будет черт конституционной традиции: свобод и прав человека, свободы СМИ, свободы слова и т. д. Говоря о конституционной идентичности РФ важно не переусердствовать. Безусловно, доминанта конституционной традиции и ценностей должна сохраняться.

Поэтому, когда мы решаемся на реформы в целях поиска и обретения Россией собственного конституционно-правового облика, важно, чтобы конституционные ценности не остались на периферии и чтобы Конституция не стала текстом, оторванным от жизни. Сегодня чаще всего предпринимают конституционную реформу критикуют именно те представители юридической науки, которые сами многие годы доказывали необходимость внесения поправок в Конституцию. Но если мы хотим сохранить конституционные ценности, то желание проводить конституционные реформы стоит сдерживать. При этом важно, чтобы Конституционный суд в своей деятельности, при всей необходимости реализации концепции «живой» конституции⁷, не отдалялся от конституционного текста, не наполнял его тем смыслом, который Конституции не известен, чтобы текст Основного закона и конституционный правопорядок не отдалялись друг от друга.

Вань Дань⁸. В Китае уже долгое время проводятся системные реформы, основным принципом которых является, в частности, верховенство закона. В начале проведения политики реформ и открытости в Китае в 1978 г. китайский ВВП составлял всего лишь 1,78 % общемирового ВВП, а сейчас его доля приближается к 20 %. Поэтому проводимые за 40 лет реформы можно считать успешными. В 1992 г. Китай принял решение о создании социалистической рыночной экономики и подтвердил, что рыночная экономика — это в первую очередь правовая экономика. Тогда было принято решение о совершенствовании целого ряда законов. Политика открытости привела к тому, что в декабре 2001 г. Китай вступил в ВТО, после чего, согласно обещаниям Китая, данным при вступлении в эту организацию, внутренняя правовая система должна была быть приведена в соответствие определенным требованиям.

В 2008 г. на фоне мирового финансового кризиса Китай продолжал реформы открытости. Становление правовой системы в этот период можно проиллюстрировать тем, что в 2011 г. Государственный Совет выпустил Белую книгу о социалистической правовой системе с китайской спецификой⁹, что можно считать официальным заявлением о создании соответствующей системы. Системные реформы, как можно увидеть, приводят к развитию и процветанию страны и всего мира. Конечно, проблемы остаются. Кризис 2008 г. послужил новым стимулом к изменениям. Мы продолжаем бороться с коррупцией и некоторыми злоупотреблениями властью, для чего действующими органами власти принимаются соответствующие законы и меры. Принцип верховенства закона для системного развития Китая играет базовую роль фундамента.

Реформы и правовая система находятся во взаимозависимом состоянии и взаимодействии. По результатам исследования общественного мнения в Китае в период с 2003 по 2016 г. был отмечен рост степени удовлетворенности граждан действиями органов власти Китая на всех уровнях управления. Степень доверия китайских граждан к правительству выросла, что создает благоприятные условия для проведения системных реформ. Здесь стоит упомянуть три основных принципа, соблюдение которых требуется для успешной реформы. Первое — это сочетание внешнего народного контроля и внутреннего контроля человека, то есть начинать нужно с самого себя. В стране, где одна партия находится у власти столь долгое время, актуален вопрос, как идти в ногу со временем и сохранять жизнеспособность. За 100 лет существования коммунистической партии Китая руководители партии отвечали на этот вопрос по-разному.

⁶ См.: Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008.

⁷ Речь идет о концепции, разработанной в конце XIX – первой половине XX вв. рядом американских юристов, находившихся под влиянием правового реализма (Р. Паундом, О. В. Холмсом, Ч. Э. Хьюзом и др.), по мнению которых Конституция представляет собой особый «живой организм», развивающийся под воздействием социальных, экономических, политических и иных факторов. При этом сторонники концепции «живой конституции» полагают, что к числу наиболее важных средств трансформации Конституции относится ее судебное и доктринальное толкование, в ряде случаев устраняющее необходимость внесения конституционных поправок в текст Основного закона. См. подробнее: Арановский К. В. Государственное право зарубежных стран. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Форум – ИНФРА-М, 2008. (Прим. ред.).

⁸ Профессор департамента академических наук Пудунской академии руководящих кадров (Шанхай, Китай).

⁹ См.: Пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала Белую книгу о социалистической правовой системе с китайской спецификой. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7628561.html> (дата обращения: 27.08.2022).

Например, сразу после китайско-японской войны Мао Цзэдун сказал, что народ контролирует правительство¹⁰, только при народном контроле и наблюдении компартия может сохранить способность управления страной и обеспечить экономический рывок в развитии. Си Цзиньпин обобщил столетний опыт управления страной и дал другой ответ на этот вопрос: партия должна постоянно преобразовываться в рамках внутреннего самоконтроля. Народный контроль — этот внешний фактор, а самоконтроль — это внутренняя мотивация. И оба эти вектора развития основаны на том, что народ, прежде всего, и партия служат народу для достижения народного благополучия, благосостояния. Все это выражается в степени удовлетворенности китайского народа действиями правительства. Второй важный принцип — это сочетание управления партией на основании закона и на основании установленных правил. На всем пути построения правовой системы до проведения реформ в соответствии с руководящими принципами это является важной гарантией. Партия реагирует на контроль со стороны народа, судебной и правовой системы. Следующий принцип — планирование реформ на высшем уровне и проведение реформ, как говорится, «перехода через реку, ощупывая камни», — методом проб и ошибок. Этот подход позволяет нам постепенно развиваться. То есть мы можем для реформ выделять места пилотного регулирования, а затем уже расширять территорию реформирования на всю страну. Это позволяет в период пилотного проекта реформирования выявить проблемы, проанализировать их, убедиться в работоспособности изменений, а потом распространить их на всю территорию Китая.

Цю Чжаоцзы¹¹. Учитывая важность реформирования правовой системы и соблюдения принципа верховенства закона, а также развитие технологий, особое внимание необходимо в этой ситуации уделять и реформированию юридического образования. В настоящий момент искусственный интеллект (ИИ) уже глубоко проник в систему права, и мы уже пользуемся этими достижениями технологического развития. Главным фактором для применения технологий является то, что юристу необходимо получать знания из огромного количества текстов, и ИИ ему помогает в этом. В настоящий момент мы находимся на такой стадии развития взаимодействия ИИ и системы права, когда мы, можно сказать, признали взаимозависимость данных явлений.

У нас есть две цели: понять, как устроена работа человеческого интеллекта, и исходя из этого знания создать интеллектуальные компьютерные программы. Уже сейчас существует технология извлечения текстовой информации Watson, а система IBM Debater умеет вести дискуссию и выстраивать аргументацию. Эти системы построены на различных технологических подходах к разбору текста, хотя эти программы не занимаются толкованием юридических текстов, они предоставляют методы разбора текстов. Сочетание методов разборов юридического текста с вычислительными моделями приведет к революционным изменениям в методах юридической практики, которой традиционно занимаются профессиональные юристы. В будущем юридическая работа будет осуществляться совместно со специалистами в области IT, при этом часть работы будет полностью возложена на цифровое приложение или программное обеспечение, созданное специально для права. Уже сейчас юридические технологии самообучаются на основе обработки большого объема документов. Это является ядром работы системы. То есть происходит выборка, обработка и извлечение информации из юридических текстов.

Сейчас мы переходим на следующий этап внедрения ИИ в правовую сферу, что требует пересмотра подходов к юридическому образованию. Во-первых, теперь необходимы юристы, которые разбираются в информационных технологиях. И нужны именно юристы, понимающие в IT, а не технические специалисты, которые немного разбираются в юриспруденции. Это создает потребность в особых программах образовательной подготовки, например по таким специальностям, как технолог в области права, программист в области права, а также специалист, который занимается разрешением споров в сфере IT. Например, в г. Ханчжоу в суде для разрешения споров, связанных с Интернетом, создан отдельный суд. Возникли новые предметы в системе образования — например, теперь нужно изучать технологию подачи исков, знать способы программного разбора материалов, ведения слушаний, управления документами.

Такие спецкурсы созданы в системе юридического образования в нескольких китайских университетах в рамках подготовки специалистов для интернет-суда. Существуют целые НИИ, которые занимаются вспомогательной системой рассмотрения уголовных дел, созданы системы рассмотрения гражданских и коммерческих споров, возникающих из отношений в сети Интернет. В области информатики у нас есть курс права в сфере информатики, который основан на соединении права и кибернетики. Таким образом, развитие технологий требует реформы юридического образования.

Левакин Игорь Вячеславович¹². Когда мы говорим о реформах, о юридических реформах прежде всего, то нужно понимать, что это только часть большого объема реформ, которые периодически в нашей стране пытаются

¹⁰ Вероятно, имеется в виду следующее высказывание Мао Цзэдуна: «Новодемократическая власть есть власть, руководимая рабочим классом, антиимпериалистическая и антифеодалная власть широких народных масс... Эти широкие народные массы образуют свое государство (Китайскую Народную Республику) и создают представляющее это государство правительство (Центральное правительство Китайской Народной Республики)» (цит. по: *Мао Цзэдун. Избр. произведения. В 5 т. Т. IV. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1969. С. 226. (Примеч. ред.)*)

¹¹ Профессор, заместитель директора института Северо-западного университета политики и права КНР.

¹² Доктор юридических наук, профессор кафедры правовых основ управления Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России.

проводить. Полагаю, что при проведении и оценке реформ верно было бы применять метод, который разработала в свое время Кембриджская школа политической мысли (К. Скиннер, Дж. Гревилл, Дж. Данн и др.): помещение неких процессов в тот или иной контекст¹³. Помещение юридических текстов в контекст политический, экономический или интертекстуальный и т. п. очень важно для понимания содержания правовых документов. Например, давайте рассмотрим Манифест 1905 г. и Основные законы Российской Империи в редакции от 23.04.1906 в историческом, социальном, идеологическом контексте. Я в рамках такого анализа ставлю перед собой три вопроса:

- 1) контекст событий, который привел к принятию правовых актов;
- 2) идеологическое содержание рассматриваемых документов;
- 3) причины провала императорской конституции 1905–1906 гг.

Манифест принимался в условиях усиления репрессивной политики, усиления полиции, расширения применения репрессивных мер на фоне роста революционных настроений в обществе вследствие поражения России в русско-японской войне. Таков был политический контекст. В части идеологического содержания Манифест был выдержан в великодержавном стиле, выражал заботу и печаль самодержца о народном благе, содержал опасения по поводу угроз целостности и единству державы, указывал на меры по охране «людей мирных». Николай II пытался продолжать разговор с обществом с позиций и на языке хозяина земли Русской, но уже не решался называть людей подданными, заменив данный термин эвфемизмом «население». Очевидно, что Манифест выражал интересы не всего населения. В тот период около 80 % граждан составляло крестьянство, которое не проявляло интереса к конституционным изменениям, хотя в целом запрос на изменения у них, несомненно, был.

Какие же идеологемы были закреплены в этих Основных государственных законах? По существу, император отказался от упоминания неограниченной монархии, тем не менее речь шла о самодержавии, и идеологии охранительства монархии явно доминировали в тексте этих законов. Функционирование Думы было обставлено различными оговорками о праве абсолютного вето императора, указном праве императора, царь оставался центром принятия решений. Идеологические символы государства остались прежними: гимн («Боже царя храни»), герб. В провале этой конституции вряд ли стоить винить только монарха и его ближайшее окружение, защищавшее интересы помещиков и государственной бюрократии. Многие обвиняют императора в том, что его ограниченность, неготовность к реформам привели к потере управления в стране. Скорее всего, я полагаю, общественный контекст не позволял провести эти реформы. Конституционная реформа была противоречивой: для либералов слишком консервативная, для консерваторов слишком либеральная, для революционеров неприемлемая. Не были решены вопросы экономические, национальный вопрос, вопрос войны и мира. Для юристов оставались неразрешенными проблемы верховства прав и свобод.

Таким образом, внутренне противоречивые конституционные акты не могли наполнить архаичную форму правления новой легитимностью, которая была необходима для проведения буржуазных реформ в целях предотвращения революционного взрыва. Следовательно, нельзя игнорировать общеисторический контекст при оценке содержания нормативных актов и последствий их принятия и правоприменения. Можно сказать, что любое государство имеет конституцию в смысле его устройства. Соблазн назвать любой текст конституцией может привести нас к определенному греху утраты истинных конституционных ценностей и нанести вред, прежде всего, правосознанию.

Елена Владимировна Гриценко¹⁴. В современных условиях особо актуально говорить о том, чтобы вернуться к праву и оставаться в праве, потому что действительно право в настоящее время, мне кажется, остается на обочине, и пора поразмыслить над тем, какие шаги следует предпринять для того, чтобы преодолеть те вызовы, которые возникают перед правом сегодня. Текущая конституционная реформа задает новые правила для законодательных и судебных интерпретаций. Например, стоит рассмотреть законодательное развитие конституционных поправок в части единства системы публичной власти. Как именно законодатель пытается интерпретировать эти поправки и остается ли он в русле неизменных глав Конституции?

Для проведения анализа в первую очередь надо рассмотреть законы, связанные со статусом Государственного совета, определением системы публичной власти и других организационных элементов этой системы: в частности, это закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ»¹⁵, это и закон «О федеральной территории „Сириус“»¹⁶ и, наконец, проект закона «Об общих принципах организации местного самоуправления»¹⁷, который в настоящее время обсуждается. Мне кажется важным, что в рамках шагов, сделанных законодателем, произошел перекокс в трактовке самого принципа единства системы публичной власти в сторону

¹³ См. подробнее: *Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas. History and Theory, 1969. Vol. 8. № 1. P. 3–53; Skinner Q. Some Problems in the Analysis of Political Thought and Action. Political Theory, 1974. Vol. 2. № 3. P. 277–303.*

¹⁴ Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

¹⁵ Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ (последняя редакция). Собрание законодательства РФ, 2021. № 52. Ч. I. Ст. 8973.

¹⁶ Федеральный закон «О федеральной территории „Сириус“» от 22.12.2020 № 437-ФЗ (последняя редакция). Собрание законодательства РФ, 2020. № 52. Ч. I. Ст. 8583.

¹⁷ Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 27.08.2022).

иерархического организационного единства системы с акцентом в сторону системы органов, в то время как ранее этот принцип интерпретировался иначе, в том числе Конституционным судом, а именно как *единство принципов* построения всех уровней публичной власти: принципов народовластия, демократической государственности, федерализма и местного самоуправления.

Это предполагает акцент не на органы, а на публично-правовые субъекты: федерацию, субъекты федерации и муниципальные образования. Если акцент делать только на органы, то мы тем самым существенным образом обедняем этот конституционный принцип. Даже название закона № 414-ФЗ не вполне точно соответствует его предмету. По крайней мере то же местное самоуправление (МСУ) фигурирует в достаточно сжатом виде, в контексте иерархического встраивания органов МСУ в систему. В этом законе вдруг появляются такие новеллы, которые, на мой взгляд, явно диссонируют со ст. 12 Конституции, например, в части определения того же статуса главы администрации как лица, замещающего и муниципальную должность, и должность государственную — субъекта РФ, а соответственно, высшее должностное лицо субъекта РФ как лицо, замещающее федеральную должность и должность субъекта РФ.

Такой подход наталкивает на мысли о проблемах реализации принципа федерализма, самостоятельности органов власти субъектов РФ, с одной стороны, и МСУ — с другой. Конечно, и принцип федерализма и принцип местного самоуправления крайне важны и являются важными ресурсами развития государства, так как централизация в современных условиях, мне видится, себя уже исчерпала. Тот самый социально-политический контекст, который обсуждали ранее, говорит о том, что есть необходимость в смещении акцента в сторону децентрализации и использования потенциала регионального и местного управления. Есть основания для того, чтобы решать определенные вопросы именно на местах. Например, ситуация пандемии во многом высветила эту проблему. Стало ясно, что в условиях ЧС невозможно всё решать из центра, что есть объективная потребность решения ряда вопросов на уровне субъектов РФ и на уровне местной власти возникает немало проблем. Само понимание федеральных территорий, как оно дано в новой редакции Конституции, предполагает разработку некоего рамочного закона о статусе этого образования, и такой закон не предполагал придания самостоятельного публично-правового статуса этим территориям.

В свое время Конституционный суд в своей трактовке соответствующего положения сказал, что оно не должно изменять принцип федеративного устройства. Значит, мы не можем создавать новые публично-правовые образования, которые находились бы на том же уровне, что и субъекты Федерации, но с некоторым усеченным форматом полномочий и компетенций. Тот подход, который сейчас предложен в качестве модельной истории на примере территории «Сириус», явно противоречит, как мне кажется, принципу федеративного устройства. Значит ли это, что и другие федеральные территории будут иметь такой же статус, как «Сириус»? Совсем нет. Остается простор для законодателя решать индивидуально этот вопрос и предлагать другие конструкции. Хотя мне виделось, что развитие идеи особых режимов было бы более перспективным и могло базироваться на основных принципах, которые остались неизменными в первой главе Конституции. По этому пути мы уже шли, и эти экспериментальные, особые режимы функционирования органов власти на территории субъектов уже были апробированы, начиная с наукоградов и заканчивая «Сколково», Арктической зоной и т. п.

Создание таких территорий не означало, что они получают какой-то новый публично-правовой статус. Те же наукограды остаются муниципальными образованиями. В «Сириусе» же происходит создание какой-то гибридной формы управления. С одной стороны, новая федеральная территория приобретает статус публично-правового субъекта и имеет возможность заключать договоры как с субъектом Федерации, так и городским округом Сочи, таким образом передавая свои региональные и муниципальные полномочия этим субъектам, разгружая себя с точки зрения властных полномочий, но с другой стороны, это самостоятельный субъект, имеющий свою систему органов и т. д. Мне кажется, это пока явно не решенный вопрос и в какой-то степени бомба замедленного действия для принципа федерализма.

Сяо Синьси¹⁸. В 2021 г. был введен в действие Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. В общей сложности он включает в себя главы по основным направлениям гражданско-правового регулирования. Традиционные общие положения, которые содержит гражданское законодательство, содержатся в тезисной части ГК. В КНР до создания ГК была немного другая ситуация в исследованиях гражданского права, другая парадигма; прежде всего, основой являлось исследование теории законодательства, определенное внимание в которой отдавалось классовой борьбе. Со временем подход изменился и основной идеей стала идея о том, что необходимо надлежащим образом исполнять законы. Это изменение исследовательской парадигмы отражает теперь ГК. И собственно основной задачей после принятия ГК стало обеспечение его неукоснительного исполнения. Новая задача по имплементации данного ГК привела к изменению теоретического подхода в сторону юридической герменевтики, потому что основным вопросом правоприменения стало толкование права. Изначально исследования в этой области были сосредоточены на том, каким образом мы должны разработать надлежащий кодекс, а после этого фокус поменялся на то, каким образом обеспечить его соблюдение.

¹⁸ Доцент факультета гражданского и коммерческого права Северо-западного университета политики и права Китая.

Попондопуло Владимир Федорович¹⁹. Личные неимущественные права серьезно сейчас обсуждаются в цивилистической науке, в частности, в связи с их отражением в Гражданском кодексе. Напомню, что сегодня эти права зафиксированы в общей части ГК в нескольких статьях. Можно ли признать это регулирование удовлетворительным? На мой взгляд, нет, несмотря на то, что это, конечно, кодификация. Если обратиться к истории, то это вопрос не такой уж и новый. В советский период отсутствие полноценного раздела ГК о личных неимущественных правах объяснялось тем, что такие права в их ненарушенном состоянии не регулируются, а в случае их нарушения защищаются. Появлялись новые подходы и взгляды по этому вопросу, например Л. О. Красавчикова указывала, что эти отношения могут регулироваться законом и до момента их нарушения²⁰.

Можно подумать, что эта дискуссия в настоящее время утратила свое значение, поскольку личные неимущественные отношения включены теперь в предмет регулирования гражданского законодательства, причем вне зависимости от их связи с имущественными правами. На мой взгляд, отсутствие отдельной главы, посвященной регулированию личных неимущественных отношений, не соответствует современным потребностям и условиям. В современном мире личные неимущественные права, такие как право на жизнь, здоровье, личную свободу и др. приобретают первостепенное значение. Если в советские времена отсутствие регулирования этих отношений в рамках кодифицированного акта объяснялось незначительным удельным весом последних, то сейчас определенно появилась потребность в выделении в ГК отдельного раздела «Личное неимущественное право» наряду с другими его разделами. На мой взгляд, статус этого института на самом деле должен быть признан и преобразован в статус отрасли права²¹.

Личные неимущественные права регулируют личные неимущественные отношения, то есть частноправовые отношения, возникающие по поводу неимущественных прав, индивидуализирующих личность. Эти отношения основаны на равенстве, автономии воли и самостоятельности их участников. Признание другими лицами этих прав, индивидуализирующих их обладателя как личность, происходит посредством оценки социальных качеств личности. Взаимная оценка лиц как проявление метода регулирования частных отношений характерна не только для имущественных отношений, но и для оценки личности. На это обращали внимание еще в конце 80-х — начале 90-х гг. Например, Н. Д. Егоров в своей монографии прямо отмечал такое качество методов гражданского права, как взаимооценка, и распространял это качество и на личные неимущественные отношения²². Личные неимущественные отношения являются абсолютными, так как индивидуальные качества личности проявляются лишь в сравнении со всеми другими окружающими ее лицами.

Например, отношения возникают по поводу имени, чести, достоинства человека. Так, Робинзон Крузо не нуждался в сторонней оценке его личности, поскольку эти отношения возникают именно в обществе. Правовой формой таких отношений выступает регулятивное личное неимущественное правоотношение, в рамках которого реализуется личное неимущественное право, в соответствии с которым управомоченный субъект имеет право требовать от всех лиц воздерживаться от любых действий, препятствующих оценке его индивидуальных особенностей как личности. В содержимое этого права также входят полномочия владеть, пользоваться и распоряжаться соответствующим неимущественным благом в пределах, установленных законом. Например, в рамках договора коммерческой концессии возможно использование деловой репутации правообладателя. Учитывая абсолютность личных неимущественных прав, их первичность, полагаю, что главу, регулиющую данные отношения, стоит разместить сразу после разд. I ГК РФ «Общие положения» перед разд. II о вещных правах.

Такой подход уже находит закрепление в ряде стран, например в ГК Украины. Личные неимущественные права охраняются и защищаются, прежде всего, самими индивидами и лишь при необходимости эти индивиды обращаются к закону. Любые права образуются и реализуются в нормальном ненарушенном состоянии в рамках регулятивных правоотношений, когда поведение их участников соответствует требованиям закона. В случае их нарушения наступает аномальная стадия в развитии регулятивного правоотношения, оно преобразуется в правоохранительное правоотношение, результатом которого является подтверждение и признание права и его защита либо наоборот — неподтверждение и непризнание его.

Встает вопрос о структурировании соответствующего раздела, если все же включать его в ГК. Существует два основных подхода, которые заключаются в том, что этот раздел должен быть структурирован путем исчерпывающего перечня соответствующих прав (на этой точке зрения в свое время стоял С. Н. Братусь)²³ либо посредством их примерного перечня²⁴. Представляется правильным второй подход. Дело в том, что свобода проявления личности

¹⁹ Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

²⁰ См.: *Красавчикова Л. О.* Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 11–13.

²¹ Подробнее см.: *Попондопуло В. Ф.* Человеческая деятельность: правовые формы осуществления и публичная организация. М.: Проспект, 2021. С. 288 и след.

²² См.: *Егоров Н. Д.* Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 17.

²³ См.: *Братусь С. Н.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1963. С. 85.

²⁴ Одним из первых отечественных цивилистов, обосновавших указанный подход, был С. И. Аскиназий. См.: *Аскиназий С. И.* Основные вопросы Гражданского кодекса СССР в свете решений XVIII Съезда ВКП(б) // Советская юстиция, 1939. № 14. С. 38–39.

предполагает возможность возникновения прав, не предусмотренных законом, и не должна определяться посредством закрытого законодательного перечня, то есть здесь нормативистский подход в этом случае неуместен. Свобода проявления личности должна ограничиваться пределами, установленными законом. То есть положения о том, что нельзя делать, как нельзя себя проявлять вовне, должны быть указаны законом, но все остальное должно быть оставлено на усмотрение правообладателя личных неимущественных прав.

Гао Фэнмэй²⁵. Если рассматривать вопрос преемственности и трансцендентности системы китайского гражданского права, то следует отметить, что она построена на основе ГК СССР. С точки зрения теории построения системы гражданского права предмет регулирования определяет структуру системы. Изначально, несмотря на то, что ГК РСФСР 1922 г. не содержал положений о предмете регулирования, можно было вывести его из ст. 3 от обратного, методом исключения, где были указаны отношения, которые не регулировало гражданское право. В 1950-х гг. в СССР начали активно обсуждать изменение подхода к определению объектов регулирования гражданского права. Позднее, в 1961 г., были опубликованы Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, где был определен предмет гражданско-правового регулирования — имущественные отношения, возникающие при использовании товаров и денег, а также связанные с имущественными личные неимущественные отношения.

Такие отношения осуществлялись на принципах равноправия и равенства. В 90-х гг. предмет регулирования составили имущественные отношения и личные неимущественные отношения²⁶. Под влиянием доктрины Советского Союза после создания КНР в 1949 г. велись дискуссии о предмете гражданско-правового регулирования. В центре внимания были вопросы характера имущественных отношений и вопрос о том, регулирует ли гражданское право поведение людей. После 1978 г. мы пришли к выводу, что таким образом могут регулироваться социальные отношения между людьми, и отличительная функция предмета гражданского права — его независимый статус. Мы отказались от буквального наследования идей СССР, которые брали свое начало в экономической теории, и расширили предмет гражданского права за счет личных отношений. Мы разработали собственную терминологию. Большое значение имеет ст. 2 ГК КНР, содержащая положения об общих принципах гражданского права, в том числе частноправовой характер отношений и относительная независимость гражданского общества от политической жизни государства. В Китае была сформулирована своя теория объекта гражданского права, в которой акцент сделан на межличностных отношениях. Важно, чтобы статус гражданского права отличался от экономического права.

Малютин Никита Сергеевич²⁷. Масштабная трансформация правопорядка, которая происходит в настоящее время, в целом заставляет нас задуматься о том, в каких направлениях пойдет реформа и к каким последствиям мы придем в рамках правового пространства. Особое внимание хочется уделить именно вопросам судебной сферы и сферы правосудия, так как, во-первых, мы наблюдаем с момента конституционной реформы 2020 г. правовую деконструкцию: многие правовые категории отмирают или начинают использоваться в несвойственной им форме.

Во-вторых, все-таки эта трансформация влияет не только на материально-правовые аспекты, но и на процессуальные, прежде всего конституционные процессуальные элементы (например, когда из всех процессуальных кодексов было исключено упоминание ЕСПЧ в рамках изменений законодательства в июне 2022 г.). Можно сказать, что это техническая поправка, но она привела к серьезным изменениям и требует глубокого переосмысления тех категорий, к которым мы привыкли за последние десятилетия.

В-третьих, после выхода из Европейской конвенции российский законодатель принял меры по усилению роли Конституционного суда, представив его в форме некоего аналога Европейского суда, и эту конструкцию тоже придется осмыслить. В этом контексте настало время говорить о самостоятельном направлении научных исследований в области так называемого судебного права, при этом надо делить это направление на два блока: право суда как право, создаваемое судом, и право о суде. Я хотел бы обозначить несколько проблем, которые не укладываются в нашу систему права, традиционно разделенную на отрасли, но могли бы, на мой взгляд, войти в канву судебного права. Например, мы должны обратиться к вопросу о том, какую роль занимает правотворчество в судебном процессе.

Мне кажется, что сегодня, когда Конституционный суд наделили неким аналогом статуса ЕСПЧ, проблема судебного правотворчества, возможно, выйдет на новый уровень и законодатель переосмыслит свои подходы в этом направлении. Другой важный момент, связанный с изменением структуры судов общей юрисдикции, состоит в том, что их экстерриториальность создает проблему обеспечения единообразия судебной практики. Проблема научно-теоретического сопровождения и категоризации судебной практики довольно важна, так как суды формулируют довольно интересные позиции и подходы в контексте происходящих изменений, но эти позиции теряются в количестве тех решений, которые суды выносят, не хватает системной проработки практики. Также можно выделить такую проблематику, как определение содержания такого правового явления, как правовая судебная позиция.

²⁵ Профессор Северо-западного университета политики и права Китая.

²⁶ См. ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой предмет гражданско-правового регулирования определяется как имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. (Примеч. ред.)

²⁷ Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Можно вспомнить, что изначально в законе о Конституционном суде были нормы о правовой позиции, а законодатель поэтапно отказывался от закрепления данного правового явления в нормативных актах, но сейчас как раз возврат к такой системной и законодательной проработке этого понятия актуален, в том числе в рамках анализа аргументации решений высших судов, включая кассационные суды общей юрисдикции. Следующий момент, который можно отнести к проблемным в рамках судебного права, — это вопрос судебного преодоления правовых пробелов. Здесь большой потенциал судов, но мало внимания со стороны законодателя и научного сообщества, есть отдельные исследования по этому вопросу, но они не приобрели системный вид. Еще одна проблема — это процесс цифровизации правосудия не просто как некоего глобального явления, а именно в плане возможности вынесения решений, формулирования и обобщения правовых позиций и методологической обработки судебной практики, а также применение системного подхода к явлению судебного акта с точки зрения его общеправовых характеристик и оценки его обновленного правового статуса.

Обозначенные выше проблемы не просто образуют некое научное единство, которое можно назвать судебным правом, но дают повод задуматься о том, что эти вопросы требуют законодательной проработки и составляют задел для будущей судебной реформы, отдельные элементы которой мы сейчас наблюдаем. С выходом из Европейской конвенции по правам человека и отказом от признания подсудности ЕСПЧ открылось новое окно возможностей развития, поиска собственных векторов усиления международной интеграции в области правосудия с Евразийским судом, возможность формирования профильных учреждений на уровне СНГ. Мне кажется здесь небезынтесной возможность обсуждения идеи азиатского суда по правам человека.

Еще один важный вызов, который стоит сейчас перед судебной системой, — это расширение тенденции приватизации правосудия в частноправовой сфере. Здесь стоит говорить не только о развитии арбитражных форм разрешения споров, но и о досудебных механизмах, которые могли бы быть использованы: медиативные процедуры, процедуры примирения. Развитие данного направления могло бы разгрузить судебную систему и стать весьма эффективным способом разрешения споров и, самое главное, иметь позитивный эффект с точки зрения воспитания адекватного гражданского общества, которое могло бы взять на себя ответственность по развитию процессов урегулирования конфликтов.

Чжан Ю Ин²⁸. Правовые реформы непрерывно изменяют всю систему регулирования на протяжении всего периода проведения политики реформ открытости в Китае. Два основных фактора, которые необходимо учитывать при проведении реформ, — это движущие силы, стимулы реформ и их цель. Цели — это наши ожидания от реформ. Только если у нас есть верная цель, мы можем эффективно применять законы и достичь хороших результатов реформ. Точное определение цели реформ является гарантией того, что желаемые результаты будут достигнуты. Работе по целеполаганию Китай отдает приоритетное значение. На последнем этапе реформ в Китае были поставлены цели создания правовой социалистической системы с китайской спецификой, соблюдение закона и неизбежность наказания.

Почему Китай достиг таких успехов в целеполагании? Первая причина состоит в том, что Китай всегда исходил из существующих реалий в своей стране. На разных этапах проведения реформ цели были разными. Была создана основа для соответствующего исполнения надлежащих законов. Вторая причина в том, что Китай всегда использовал верные теории для целеполагания при проведении реформ. Например, теория марксизма в сочетании с китайскими реалиями. Социализм с китайской спецификой и правовая теория по его созданию не являются неизменными. Китай честно отвечает на вопросы о том, чего он хочет достичь. При этом главной целью реформ является человек, так как цель изменений состоит в удовлетворении потребности в справедливости и равенстве всех перед законом. Движущей силой реформ также является человек. Чтобы народ лучше понимал суть реформ, мы проводим специальные мероприятия по популяризации правового знания, внедряем в школах программы в области правоведения и достигли в этом значительных успехов.

Ескина Людмила Борисовна²⁹. Осознание процесса реформирования, когда общество выступает как активный субъект, пытающийся что-то изменить в своей структуре, качестве, движении, — это предмет науки. Мы не много говорим о таких понятиях реформы, как цель, готовность общества к реформе, понимание реформы, а все это имеет большое значение. Например, в части готовности общества: была ли готова Россия к реформе, которая началась в 1917 г.? Понимал ли народ, что происходит и какая цель происходящих изменений? Нет. Также в рамках процесса проведения реформы возникает вопрос об управлении ею: кто ее инициирует, кто начинает и кто ею руководит? Удачными реформами мы считаем реформу Петра I, который долго старался ею управлять самостоятельно и держать под контролем. А контролируются ли реформы, которые проводятся сейчас? Непонятно. Вопрос о цели реформ имеет первостепенное значение. Чего мы хотим достичь, добиться?

Если с этих позиций (цели, контроля и готовности к реформе) проанализировать конституционную реформу 2020 г., то получается, что осмысляем мы ее по ходу проведения и иногда отдельные вопросы развиваются в неожиданном направлении. Например, в результате внесения поправок в Конституцию, на мой взгляд, получился симбиоз

²⁸ Профессор факультета экономического права Северо-Западного университета политики и права.

²⁹ Доктор юридических наук, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС.

текстов разных конституционных моделей: одна — это конституция европейских государств, которые вступили на путь конституционного развития в XVII в. и до сих пор пытаются идти по этому пути. Но западное общество созрело для этой конституции, основная цель которой была в ограничении публичной власти. Мы в 1993 г. пытались внедрить у нас смысловую основу такой конституции, и соответствующие нормы были закреплены в первых двух главах Конституции. Но общество было явно к этому не готово, люди не понимали содержание Конституции. Общество стало отторгать ее, возвращаться к привычной советской модели конституции, которая возникла тогда, когда Россия не была готова к конституционной реформе, и в начале XX в. модель конституции была создана такая, которая устраивала людей, находящихся у власти.

Специалисты, оценивая текст Конституции РСФСР 1918 г., говорят, что это вообще была не конституция, так как она воплощала не право, а принципы гражданской войны. Советская конституция, по сути, создала другой предмет конституционного регулирования и другие принципы. Разница между советской и западной моделью конституции в том, что на Западе конституция выросла из реальных отношений, до которых общество созрело. Советская конституция — наоборот. Предметом регулирования западной конституции являются отношения по осуществлению публичной власти в обществе, и ее задачей было поставить власть в определенные правовые рамки. В советской конституционной модели предмет регулирования — это любые, самые общие отношения, то есть четко предмет регулирования не определен, границ нет. В результате в конституционный текст попали вопросы и экономики, и идеологии, и культуры, и науки, и т. п. При этом советская конституция не смогла быть правовым ограничителем власти, она пошла по пути составления конституционного текста как программы развития общества, декларации о намерениях, что повлекло использование соответствующих формулировок.

Советская конституция расширила свой предмет до уровня общества в целом, могла любой вопрос регулировать. В результате такая конституция теряет свой правовой потенциал, перестает быть правовым ограничителем, а становится программой, декларацией — теряет ее высшая юридическая сила и обязательность. В результате внесенных поправок в 2020 г. мы также расширили предмет конституционного регулирования до необъятных размеров, вернувшись к конструкции советской модели конституции. Возможно, это связано с тем, что наше общество на сегодня имеет еще переходный характер, противоречия в обществе отражаются в противоречивых положениях Конституции.

Разуваев Николай Викторович³⁰. В последние десятилетия российское общество переживает смену парадигм, что в значительной степени предопределяет смену концептуальных представлений о том, что есть право, правопорядок, что представляет собой государство. В научной литературе постепенно утверждается идея, обоснованная многочисленными фактическими доказательствами, что феномены государства, права, законов и т. п. не являются вневременными понятиями, сущность перечисленных явлений изменяется от эпохи к эпохе, приобретая иные формы и внешние проявления на различных стадиях эволюции.

Так, современное доктринальное понимание права как иерархической системы правил поведения, норм, установленных государством и имеющих общеобязательный характер, неприменимо, допустим, к римскому праву, в котором нормы, как общие правила поведения, были сравнительно немногочисленными, а основным средством регулирования являлись субъективные права и обязанности индивидов, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в контексте конкретных фактических ситуаций, неотделимых от этих прав и обязанностей. Иными словами, рассматривая эволюцию права в широкой исторической ретроспективе, можно обозначить как минимум два исторических типа правовой организации общества, во многом противоположно друг от друга отличающихся, а именно: традиционные (досовременные) правопорядки, одним из наиболее характерных примеров которых является римское частное право, и современные правовые системы, основанные на принципе формально-логической иерархии, доведенном до предельного своего выражения в рамках правовых систем романо-германской (континентальной) семьи³¹. Переход от одного культурно-исторического типа к другому стал, на наш взгляд, частным результатом глобальных трансформаций общества в целом, проявивших себя не только в правовой, но и в социокультурной, политической, экономической и иных областях. Естественно, в различных цивилизационных контекстах эти трансформации происходили различными темпами, но сам по себе процесс модернизации имел универсальный характер.

И в свете сказанного мы должны, наверное, изменить или критически переосмыслить наши представления о том, что собой представляют реформы, по крайней мере реформы правопорядка и взаимосвязанные с ними реформы государственной и политической системы, государственного устройства. Всякий раз говоря о том, что собой представляет реформа, нужно отдавать себе отчет, что данное явление приобретает смысл в историческом контексте, а чаще всего понятие реформ, в том числе и юристами, употребляется достаточно некритично: принятие нового законодательства — реформирование, изменение действующего — реформирование, кодификация разрозненных правовых норм также подводится под категорию реформ. Если так рассуждать, то тогда придется признать, что любое изменение правопорядка, в том числе и в плане внешнего законодательного выражения, представляет собой реформу.

³⁰ Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и гражданского права Северо-Западного института управления РАНХиГС, главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция».

³¹ См. подробнее: *Арановский К. В., Князев С. Д.* Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. М.: Проспект, 2016.

Между тем имеет смысл рассматривать реформы как определенный стимул, движущую силу эволюции правопорядка в широком историческом смысле. Также надо понимать, что данный механизм начинает работать на сравнительно поздних стадиях исторического развития. Мне представляется, что проблема реформирования правопорядка как такового тесно связана с модернизацией общественной, политической системы, формированием правовой системы, что, как уже было отмечено, происходит на определенном этапе развития правопорядка.

Например, отсчет этапов реформирования правопорядка России следует, по-видимому, вести с эпохи Петра I, когда собственно и происходит формирование системы российского права, которая получила формальное закрепление в Своде законов Российской империи 1832 г., основанном, в свою очередь, на Соборном уложении 1649 г., петровском и послепетровском законодательстве. Мощным импульсом к развитию российской правовой системы стали Великие реформы 1860–1870-х гг. и законодательство Александра II. В начале XX в. реформирование правопорядка способствует развитию отраслей права и отраслевой кодификации, что служит показателем достаточно радикальной трансформации правовой системы. Реформы и контрреформы зачастую сменяют друг друга в истории любого правопорядка. Иными словами, механизм реформирования права самым непосредственным образом связан с модернизационными процессами и является движущей силой этих процессов.

Майборода Виктор Александрович³². Что касается федеральной территории, это новый правовой феномен. Ее необходимо рассматривать с точки зрения природы публичной власти. Общая концепция публичной власти объединила в себе государственные и муниципальные органы в единую систему. Власть вообще разъединена у нас на три ветви: судебную, законодательную и исполнительную. Удастся ли в результате принятых изменений законов связать все три ветви власти, объединить государственные и муниципальные полномочия в единых органах публичной власти федеральной территории? Нет. Судебная власть отсутствует на муниципальном уровне.

Таким образом получаем оксюморон. Единство органов публичной власти, но в нем отсутствует третья ветвь. В этой связи именно доктринальное осмысление и позволяет стать на позицию того, является ли необходимым и достаточным на сегодняшний день в формировании особенностей органов публичной власти федеральной территории следовать ортодоксальной доктрине деления власти на три ветви или возможно применительно к формированию особенностей публичной власти федеральной территории использовать подход, реализованный в отношении территории «Сириус», где присутствует исполнительный и представительско-распорядительный орган, но других органов власти нет.

Вероятнее всего, следующая территория, которая может получить статус федеральной, — это часть Приморского края, где сейчас имеется нагромождение правовых режимов, так называемых экспериментальных, или специальных, согласно терминологии законодательства. Создано около 60 территорий опережающего развития, один инновационно-технический центр, при этом управление территорией осуществляет управляющая компания, которой тоже делегированы публично-правовые полномочия в части управления территориями и развитием Дальневосточной и Арктической зон. Этот конгломерат органов управления в дополнение к традиционным федеральным, региональным и местным органам и специально созданным Министерством по развитию Дальнего Востока предполагает развитие этой концепции организации властных органов. Необходимо отметить, что институт федеральной территории является заимствованным в российском праве.

На сегодня, как мне известно, в мире 27 федераций и 17 из них имеют федеральные территории. Исторически данный институт стал появляться в рамках борьбы с колониальной зависимостью. В XX в. применение этого института было расширено. Например, республики Индия, Пакистан, Бразилия, ряд иных государств реализовали институт федеральной территории для решения неких специальных задач. В Бразилии такой специальной задачей было освоение континентальной территории. Применительно к Индии, являющейся полиэтничным, поликонфессиональным государством, федеральные территории создавались для удержания в балансе федеративного управления, когда органы власти такой территории находились напрямую в подчинении федерального правительства. В США также существуют федеральные территории: не только округ Колумбия, но и те территории, которые присоединились к Штатам после их создания. Эти территории проходят стадию включения в состав государства США через статус федеральных территорий. Самый яркий пример — Пуэрто-Рико, которое много раз выражало намерение войти в состав США в качестве штата и было признано решением Верховного суда США в качестве государства, свободно ассоциированного с США, жителям которого предоставляется американское гражданство.

Совокупность таких примеров, когда институт федеральной территории использовался для решения специальных задач, позволяет применить этот опыт создания территорий, которые не являются субъектами РФ, в отношении территорий, которые ставят вопрос о включении их в состав РФ. Федеральная территория вполне может включать в себя акватории РФ. Нуждаются также в доработке вопросы легитимности представительного органа власти на такой территории. В той форме, в какой он предлагается к созданию на территории «Сириус», то есть состоящий в большей части из делегированных от других государственных органов власти представителей, он нуждается в компенсационной легитимности, поскольку делегирование полномочий в предложенном варианте осуществляется не только непосредственно источником власти (многонациональным народом), но и иными лицами (другими государственными и муниципальными органами власти), не имеющими сопоставимой легитимности.

³² Кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС.

Литература

1. *Арановский К. В.* Государственное право зарубежных стран. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Форум — ИНФРА-М, 2008.
2. *Арановский К. В., Князев С. Д.* Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. М.: Проспект, 2016.
3. *Аскиназий С. И.* Основные вопросы Гражданского кодекса СССР в свете решений XVIII Съезда ВКП(б). Советская юстиция, 1939. № 14. С. 38–39.
4. *Бек У.* Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
5. *Братусь С. Н.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1963.
6. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
7. *Егоров Н. Д.* Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
8. *Красавчикова Л. О.* Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994.
9. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М.: Норма, 2008.
10. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. Изд. 3-е. М.: Академический проект, 2015.
11. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. В 5 т. Т. 4. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1969.
12. *Попондопуло В. Ф.* Человеческая деятельность: правовые формы осуществления и публичная организация. М.: Проспект, 2021.
13. *Skinner Q.* Some Problems in the Analysis of Political Thought and Action. *Political Theory*, 1974. Vol. 2. No. 3. P. 277–303.
14. *Skinner Q.* Meaning and Understanding in the History of Ideas. *History and Theory*, 1969. Vol. 8. No. 1. P. 3–53.

References

1. Aranovsky, K. V. State Law of Foreign Countries [Gosudarstvennoe pravo zarubezhnykh stran]. Ed. 3rd, rev. and add. M.: Forum – INFRA-M, 2008. (In Rus.)
2. Aranovsky, K. V., Knyazev, S. D. The Board of Law and the Legal State in the Correlation of Signs and Meanings [Pravlenie prava i pravovoe gosudarstvo v sootnoshenii znakov i znacheniy]. M.: Prospekt, 2016. (In Rus.)
3. Askinaziy, S. I. The Main Issues of the Civil Code of the USSR in the Light of the Decisions of the XVIII Congress of the CPSU (B) [Osnovnye voprosy Grazhdanskogo kodeksa SSSR v svete resheniy XVIII S'ezda VKP(b)]. Soviet Justice [Sovetskaya yustitsiya], 1939. No. 14. P. 38–39. (In Rus.)
4. Beck, U. Risk Society: On the Way to Another Modernity [Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu]. Moscow: Progress-Tradition, 2000. (In Rus.)
5. Bratus, S. N. Subject and System of Soviet Civil Law [Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava]. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1963. (In Rus.)
6. Danilevsky, N. Ya. Russia and Europe [Rossiya i Evropa]. M.: Book, 1991. (In Rus.)
7. Egorov, N. D. Civil Law Regulation of Public Relations: Unity and Differentiation [Grazhdansko-pravovoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy: edinstvo i differentsiatsiya]. L.: Publishing house of Leningrad State University, 1988. (In Rus.)
8. Krasavchikova, L. O. The Concept and System of Personal, Non-Property Rights of Citizens (Individuals) in the Civil Law of the Russian Federation [Ponyatie i sistema lichnykh, ne svyazannykh s imushchestvennymi prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii]. Abstract diss. ... of doctor of juridical sciences. Yekaterinburg, 1994. (In Rus.)
9. Kutafin, O. E. Russian constitutionalism [Rossiyskiy konstitutsionalizm]. M.: Norma, 2008. (In Rus.)
10. Maklyuen, M. The Gutenberg Galaxy: The Making of the Typing Man [Galaktika Gutenberga: Stanovlenie cheloveka pechatayushchego]. Ed. 3rd. Moscow: Academic Project, 2015. (In Rus.)
11. Mao Zedong. Selected Works [Izbrannye proizvedeniya]. In 5 vols. T. 4. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1969. (In Rus.)
12. Popondopulo, V. F. Human Activity: Legal Forms of Implementation and Public Organization [Chelovecheskaya deyatel'nost': Pravovye formy osushchestvleniya i publichnaya organizatsiya]. M.: Prospect, 2021. (In Rus.)
13. Skinner, Q. Some Problems in the Analysis of Political Thought and Action. *Political Theory*, 1974. Vol. 2. No. 3. P. 277–303.
14. Skinner, Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas. *History and Theory*, 1969. Vol. 8. No. 1. P. 3–53.